

А. А. НИКОЛЬСКИЙ

Русский Ориген XIX века Вл. С. Соловьев

<ОТРЫВОК>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определение общего характера и значения философии Соловьева. Что из его воззрений может считаться органическими частями его мирозерцания и что может считаться лишь ее случайными, преходящими элементами. Рационализм и мистицизм в философии Соловьева. Соловьев как творец умозрительной философской системы. Его значение в этой области для западноевропейской философии, с одной стороны, для русской — с другой. Религия как центральный пункт и жизненный нерв всей философии Соловьева. Выдающееся значение Соловьева на почве рационального объяснения откровенных тайн христианской религии. Глубокая аналогия деятельности и личности Соловьева с деятельностью и личностью знаменитого христианского апологета III века — Оригена. Соловьев как русский Ориген XIX века и его значение как такового в настоящем и будущем русской философской мысли

Мы слишком долго останавливались на подробном изложении произведений Соловьева, чтобы нужно было подводить подробные итоги его философии, устанавливать связи, соединять в одно целое главные тезисы его философского мирозерцания. Мы считаем поэтому необходимым ограничиться указанием лишь тех пунктов философии Соловьева, которые, без всякого спора об этом, могут быть признаны неотъемлемыми от его мирозерцания и вместе с тем наиболее характерными

для него. Какие же из воззрений Соловьева мы можем признать неотъемлемыми от его мирозерцания? — Нам нет нужды много распространяться о том, что общественно-исторические воззрения Соловьева ни в каком случае не могут считаться органически неотделимым звеном в составе его философии. Эти воззрения зависели не только от его теоретическо-философских убеждений, но и во многом от посторонних причин, — от веяний времени, от личных обстоятельств жизни; да притом здесь, как мы видели, у Соловьева и не было устойчивости в воззрениях: славянофил в 70-е годы, он в 80-е становится ярким противником славянофильского учения. — Итак, что же остается считать устойчивым, непреложным и неотделимым звеном его системы? Очевидно, что только его философско-богословские воззрения. Но что в этих философско-богословских воззрениях Соловьева мы можем считать коренным, центральным пунктом? Нет сомнения, что основным пунктом всей философии Соловьева, ее жизненным нервом мы можем считать христианскую религию. В этом нет оснований сомневаться, — недаром в этом сходятся все критики, даже такие противоположные по своему мировоззрению и отношению к Соловьеву, как князь Трубецкой и Лопатин, с одной стороны, Радлов и Спасович — с другой. Но в каком же отношении к религии стоял Соловьев, кто он был более — богослов или философ? Нет сомнения, что в источниках своей философии и ее методе он был более философ, чем богослов. В построении своей системы он исходил из философских посылок, но в своей деятельности он встретился с данными религии; и, обладая, как мы уже не раз замечали, умом в высшей степени синтетическим, он соединил данные религии с методами и проблемами философии, построил величественную умозрительную систему, в которой путем диалектики сделал попытку осмыслить главнейшие догматы религии. — Чего же он достиг этим и какое внутреннее значение нужно признать за этим его делом?

Мы не можем сказать, чтобы он достиг своей цели: религия есть прежде всего дело живой веры, а не отвлеченного знания, и разложить ее анализом мысли, и свести ее на данные рассудка — дело, безусловно, безнадежное и в своей основе, и в своих результатах. Еще не было примера в истории философии, да, без сомнения, и не будет, чтобы рационализму удалось удовлетворительно для человеческой души решить все мировые вопросы, разъяснить все великие загадки; сколько бы рационализм ни представлял решений этих вопросов, разъяснений этих загадок, человечество никогда не удовлетворится этими

решениями, ибо оно всегда будет видеть, что решения и объяснения рационализма далее игры в логические понятия не идут, что рационализм не дает истинного объяснения истории мира, а лишь конструирует эту историю и ее объяснение. Соловьев же забыл об этой узкой, но характерной черте рационализма и, пленившись блестящими конструкциями рационалистических систем, еще лишний раз построил такую же конструированную систему мира в строго рационалистическом духе, какую не один раз строили его многочисленные предшественники, особенно немецкие метафизики первой половины XIX века.

Но, говоря здесь, что Соловьев создал конструированную систему мира в рационалистическом духе, мы можем вызвать у многих естественное недоумение: можно ли признавать Соловьева рационалистом, когда его так принято считать мистиком? — Недоумение это вполне разрешается тем, что Соловьев мистик лишь в указании источников познания Абсолютного, но не в самом процессе своего философствования; здесь он чистый рационалист, и мистицизм его преспокойно остается на ограде его философии — не как звено цельного здания и не как плодотворное семя для роста и развития его философской системы, а как дорогой, но не действенный алмаз, оставшийся лежать вне здания, на ограде его, самое большее — в окне его. — В своем построении философской системы Соловьев, повторяем, был безусловным рационалистом; и потому при окончательном суждении о его философии мы можем и должны оценивать его как одного из многих творцов идеалистических систем. — Но каковы же здесь его значение, и роль?

Чтобы нам не впасть в ошибку, мы должны точно установить себе определенную точку зрения в деле оценки наших русских мыслителей. Дело в том, что к ним нельзя прилагать одного масштаба для оценки: необходимо производить оценку их с различных точек зрения: во-первых, по отношению ко всему целому развитию философии, а затем уже — совсем по другому масштабу — по отношению к истории нашей, русской, философии. Только производя оценку известного мыслителя по этому двойному масштабу, мы можем надеяться получить более или менее верное представление о значении известного мыслителя; если же мы смешиваем перспективные точки зрения и будем оценивать по одному масштабу явления, подлежащие оценке с различных точек зрения, мы рискуем получить самое превратное мнение об оцениваемом мыслителе. Какова же должна быть оценка Соловьева по двум указанным нами масштабам?

Нет сомнения в том, что если мы станем определять значение Соловьева в общей истории философии, то мы не можем представить особенных его заслуг, и не можем даже защитить его оригинальность. Дело в том, что все частные положения его философии были давно уже известны Западу, прежде чем они появились в системе Соловьева. Возьмем ли его учение о мистическом восприятии, мы увидим тождественное учение у неоплатоников; возьмем ли учение о «Сущем Всеедином», опять мы найдем его и у неоплатоников, и у новейших немецких метафизиков; возьмем ли наиболее характерное учение Соловьева о мировой душе, опять найдем прототип этого учения и у Шеллинга, и у Маймона, и даже в глубокой древности — у отца идеализма Платона; в самом изображении Соловьевым всемирно-исторического процесса развития вселенной, в самих понятиях хаоса и первоматерии также можно усмотреть близкие аналогии с учением представителей немецкой пантеистической метафизики: в отношении взглядов на христианство — тоже самое большое сходство с теми же философами, особенно с Шеллингом. — Одним словом, говорим мы, все части философии Соловьева — и основные тезисы, и частные пункты ее — были уже известны западной философии и до появления на свет системы Соловьева; все эти тезисы уже входили или звеньями, или клиньями в какие-либо системы европейской философии, и потому-то философия нашего мыслителя никак уже не могла показаться Западу «новым словом».

Другое дело по отношению к русской философии: здесь система Соловьева сказала свое «новое слово» и сделала «новое дело» — то, чего до нее не было, а именно: она представила собою, впервые на русском языке, глубоко продуманную философскую систему, хотя и создавшуюся на почве западных понятий и западных исходных точек философии, но представляющую собою в своей сущности органическое целое и потому дававшее цельное мирозерцание. — И с этой точки зрения мы можем сказать, что значение Соловьева для русской философии было выдающимся: *он был первым нашим самостоятельным философом, создавшим цельную, глубокомысленную философскую систему* и вместе с тем *глубоко критически относившимся ко всем явлениям иностранной философии* и подвергнувшим основательному разбору все односторонние направления, господствовавшие в истории русской мысли в эпоху вступления Соловьева на философское поприще. И нет сомнения, что его критика этих односторонних направлений, особен-

но позитивизма, представляет собою одну из прямых и очень серьезных заслуг Соловьева перед делом русской философии*.

Соловьев окончательно дискредитировал позитивизм и материализм в глазах всех мыслящих людей и этим самым расчистил почву для появления у нас глубокомысленных идеалистических систем: и с одной этой стороны значение Соловьева так велико, что мы смело можем вести с него новый период истории русской философии. Но Соловьев не только подверг уничтожающей критике одностронние направления западной философии, но и — как справедливо сказал один из его критиков (проф. Лопатин) — первый из всех русских мыслителей стал писать не о чужих мнениях по вопросам философии, а о самих этих вопросах, независимо от всяких мнений; и потому-то мы должны признать такое важное значение за его трудами. Его первая философская работа — «Кризис западной философии» — может считаться и кризисом в истории русской философии; и с года ее появления в свет (1874) с большим основанием можно вести начало нового, критического, периода истории русской философии.

Но не одну критику позитивизма, не одно глубоко самостоятельное и критическое отношение к западноевропейской философии, не одно создание первой целостной философской системы мы должны поставить в заслугу Соловьеву. Нет, его заслуга гораздо глубже: есть такая сторона в деятельности Соловьева, которая имеет вечное, непреходящее значение и которая делает его философию глубоко интересною не только для нас, его соотечественников, но и для всего христианского человечества. Соловьев велик, имеет полное право на внимание к нему всего христианского человечества не как философ, а как христианин, пытавшийся еще раз, в тысячу и первый раз на протяжении девятнадцати веков, осмыслить мысль философа все великие мировые вопросы, решение которых дано христианством. Соловьев будет иметь вечное значение как христианинствующий мыслитель, пытавшийся продумать мыслью те великие догматы, которые он на веру принял от христианства. На этой почве христианинствующей философии мы и должны установить значе-

* Тот факт, что Соловьев в своих основных взглядах на процесс развития западноевропейской философии стоит в большой зависимости от первых славянофилов (Киреевского и Хомякова), не может сильно умалить его значения: заслуга Соловьева в том, что он привел в целое и развил в систему те критические воззрения на западноевропейскую философию, которые славянофилами высказывались лишь отрывочно.

ние философии Соловьева; и значение его здесь очень велико: оно может быть приравниваемо лишь к самым выдающимся церковно-историческим явлениям. Мы можем найти лишь в отдаленном прошлом христианской истории глубоко аналогичное явление, глубоко аналогичное имя: это имя было Ориген; это явление — была деятельность Оригена как великого апологета христианства.

Трудно подыскать эпохи, столь различные между собою, как эпохи III и XIX веков нашей эры, и вместе с тем еще труднее подыскать имена, столь близкие и родственные между собою — и по внутреннему достоинству их носителей, и по характеру деятельности этих последних, — как имена христианского апологета III века Оригена и христианствующего философа XIX века Владимира Соловьева. Эллинско-еврейское общество Александрии III века и русско-европейское общество России XIX века — что, казалось бы, может быть общего между этими столь различными обществами?.. А между тем из этих столь различных обществ, из этих столь отдаленных эпох вышли деятели, столь близкие друг к другу. Что же было общего, что объединяло этих деятелей, живших в столь различные эпохи и в столь различных местностях? Христианство и его тайны, с одной стороны, желание осмыслить эти тайны — с другой. Вот что прежде всего объединяет Оригена и Соловьева, вот что общего между этими христианскими мыслителями, жившими один от другого на протяжении шестнадцати с половиной веков*. Они оба были глубоко верующими христианами и оба были проникнуты стремлением понять и умом, а не только воспринять сердцем, истины христианства.

Но не в одном этом, не в исходных только точках мировоззрения, можем мы усмотреть сходство и аналогию между Оригеном и Соловьевым. Нет, сходство мы находим и в общем характере деятельности этих лиц, и в целях их, и в средствах, и в результатах их деятельности, и даже в характере их ошибок, и в уклонении от истины, и, наконец, даже в том отношении, которое Вселенская Церковь имела и имеет к Оригену и которое она может иметь к Соловьеву. Разберем по порядку все эти сходные черты между двумя великими мыслителями-христианами. Прежде всего скажем о характере и цели деятельности их. Нет сомнения в том, что здесь мы можем констатировать полное сходство между ними: деятельность Оригена была

* Время рождения Оригена — приблизительно 185 год, а смерти — 254 год.

бесспорно — прежде и более всего — апологетическая: защитить христианство от нападков язычников, с одной стороны, и оградить Церковь от разложения, вносимого еретиками, — с другой. Но, собственно, к тому же сводится и деятельность Соловьева — к защите основ и идеалов христианства от современных отрицателей его — язычествующих философов, христиан по имени, язычников по убеждению, и — к укреплению внутренней ограды Церкви от посягновения современных еретиков. Как сходны были у обоих апологетов цели отрицательного характера, так же были сходны и цели положительного характера; этими положительными целями было — просветить стремящихся к ограде Церкви Божией и уже находящихся в ней. Ориген и по самой своей профессии, и по своему первоначальному положению в христианской Церкви и был именно учителем готовящихся воспринять тайны Церкви Божией (катехизатором), но и Соловьев ставил своею прямою целью просветить светом истины тех своих современников, которые хотя и считались христианами по имени, но на самом деле являлись чистыми язычниками не только по своим теоретическим убеждениям, но часто и по своей жизни. Быть для этих христиан, не знающих Христа, проповедником Вечной Истины, дойти до этих ослепленных сердец, служить пред ними, по выражению одного критика, литургию оглашенных, т. е. быть для них тем же огласителем, катехизатором, кем был в свое время для христиан III в. Ориген, — все это для русских интеллигентов XIX в. выполнил Соловьев.

Одинаковые цели обоих апологетов достигались обоими и средствами одинаковыми — путем рационального выяснения тех истин, которые составляли камень преткновения для колеблющихся членов христианства. Рационализм — вот что особенно сближает обоих апологетов, древнего и нового христианства, и вот что, бесспорно, составляет сущность их умственного склада. И Ориген, и Соловьев были чистые рационалисты, несмотря на весь мистицизм их натур. — Все, что нам известно о направлении богословско-экзегетической школы древней Александрии, воспитавшей Оригена, дает основания приписать ей характер крайнего рационализма; но совершенно то же самое, без всякого колебания, мы можем приписать и той немецкой идеалистической метафизике, которая более всего влияла на Соловьева и дала ему схему для построения своей собственной метафизики: рационализм ее вне всякого сомнения. Исходя из рационалистической философии, оба сравниваемых нами христианских апологета и сами представляли собою самые яр-

кие типы рационалистов — и в своем отношении к Слову Божию, и в своем стремлении все объяснить соображениями и доводами рассудка, все выразить логическими понятиями, даже то из откровенного Богом, что может быть принимаемо лишь верою.

Отсюда и уклонения от строгой церковной догмы у обоих писателей-апологетов носят одинаковый характер: они оба уклонялись от истины тогда, когда благодаря своему рационалистическому складу мышления хотели выяснить вопросы, не подлежащие компетенции рассудка (для Оригена — вопрос о соединении естеств во Христе, для Соловьева — вопрос о творении из ничего).

Сходясь в общем характере своей деятельности, в своих целях, и средствах, избираемых для достижения этих целей, сходясь, далее, в характере своих уклонений от вселенской истины, оба наших великих апологета сходились даже в частных, индивидуальных чертах своих характеров: они оба были пламенными, ревностными учителями и глашатаями истины, людьми, проникнутыми самым горячим стремлением провести в жизнь и свои высокие идеалы, свои возвышенные убеждения. Горя духовной ревностью быть свободными духом, оба они вместе с тем были убежденными аскетами. И аскетизм их был так последователен и прямолинеен, что у одного из них (Оригена), как известно, выразился в самой резкой форме, противной природе и законно осужденной Церковью, а у другого (Соловьева) выразился в жизни, полной лишений, тревог и решительного презрения ко всем ее удобствам и условностям.

Наконец, глубокую аналогию видим мы и в отношениях к обоим апологетам Церкви: и Ориген, и Соловьев умерли в общении с Церковью, но и при жизни их, и после смерти их, не без основания, многие, и в том числе представители Церкви, считали далеко не православными — прямо еретиками. Против Оригена, как известно, даже и при жизни его и, особенно, после смерти, неоднократно собирались Соборы, на которых его сочинения формально были осуждены как еретические. В наше время Соборы более не созываются, но нет сомнения, что если бы они собирались и рассматривали произведения христианских мыслителей, то и сочинения Соловьева во многих своих пунктах были бы осуждены Церковью, хотя его самого, может быть, и не признали бы еретиком, как не признали еретиком в свое время и Оригена, несмотря на то что его сочинения были признаны еретическими. Но аналогия отношений Церкви к обоим апологетам простирается далее: осуждая некоторые пун-

кты сочинений Оригена, Церковь признавала за другими его пунктами значение глубоких и истинно православных разъяснений таинственных догматов христианства и нередко пользовалась этими православными тезисами его учения для своей борьбы с еретиками. И нет сомнения, что и в будущем многими из апологетических трудов не только Оригена, но и нашего отечественного апологета — Соловьева будут пользоваться и те христианские мыслители, которые себя считают безусловно православными, а обоих наших апологетов еретиками или даже вовсе не христианами.

Мы рассмотрели те стороны деятельности и те черты личностей наших апологетов, в отношении которых мы можем установить строгую аналогию между ними. Мы видели, что они и в своей деятельности, и в своих личностях представляются настолько близкими и сродными друг другу, что мы смело, без всякой натяжки, можем нашего почившего мыслителя называть русским Оригеном XIX века.

Итак, каково же значение Соловьева как нашего Оригена XIX века? О значении его в настоящее время мы уже говорили; нам остается сказать, каково его значение в будущем развитии русской философской мысли. Это значение Соловьева в будущем нам представляется в таком виде.

Пройдут годы, десятки лет, может быть, даже сотни лет; память о Соловьеве как публицисте исчезнет; позабудутся все его здесь несправедливые антипатии, позабудется недостаток беспристрастия, объективности в исследовании историко-общественных явлений; позабудутся также и все его недочеты и промахи в области вопросов исторических, юридических и экономических, но память о нем как о глубокомысленном философе, пытавшемся проникнуть в тайны Божественного мира, старавшемся осмыслить и решить с точки зрения разума все великие мировые вопросы, разгадать все великие загадки, вечно предстоящие человеческому уму, останется. Правда, люди будущего, наши потомки, будут знать, что Соловьев не решил этих вопросов, но они извинят его за это, ибо они будут знать, что эти вопросы и неразрешимы, и не могут иметь другого решения, кроме того, которое принесено людям с неба. Но в том и великая заслуга Соловьева, что он все-таки решал эти вопросы, что он от вопросов повседневных обращался к великим и вечным вопросам духа, и чрез то очищал людей, призывая их «внутрь себя». — Правда, люди будущего будут знать и то, что Соловьев приступил к испытанию и исследованию тайн Божиих с меньшим смирением и с меньшею верою в Слово Божие,

чем этого можно было бы ожидать от верующего христианина, и с большим доверием к силе отвлеченного рассудка, чем это следовало бы допустить с точки зрения строго логических требований философии, но и в таком случае все же за Соловьевым останутся слава и значение русского Оригена XIX века.

